

Тогда Цзян Хуэй была одета почти так же, как и сейчас: на ней было платье небесно-голубого цвета с узорами из пионов и лотосов, в волосах была заколка «Нефритовая шпилька с пионом», а у виска искусно прикрепили цветущую белую гардению. При ходьбе её украшения звенели, а вокруг неё витало приятное благоухание. Она стояла там, словно небесная фея.

К сожалению, теперь казалось, что это лишь мимолётное видение.

Цзян Лоюй размышлял об этом, улыбаясь мягкой и доброжелательной улыбкой, тщательно скрывая ярость в своих глазах, оставляя лишь лёгкие волны света.

Цзян Хуэй собиралась, войдя, сразу же поклониться бабушке, отцу и матери, но ей было всего тринадцать-четырнадцать лет, и она была старшей дочерью в доме, которую госпожа Чжэнь оберегала, как драгоценную жемчужину. Услышав перед входом, что наследник князя Сяояо находится внутри и приветствует гостей, она заинтересовалась и, услышав голос Цзян Лоюя, ещё не поклонившись, повернулась в его сторону.

Смотрела бы она не стала, но, взглянув, она замерла в оцепенении.

Цзян Лоюю было всего пятнадцать, и он был шуаном, в возрасте, когда красота настолько совершенна, что невозможно определить пол. Он был невероятно прекрасен, благороден и спокоен. Его чёрные глаза, смотревшие на неё, словно скрывали тайное восхищение. Он стоял у окна, улыбаясь, и золотистый солнечный свет падал на его прозрачное, как драгоценный камень, лицо, делая его похожим на божество.

Цзян Лоюй, увидев, как Цзян Хуэй застыла, глядя на него, едва заметно усмехнулся. Пока она смотрела на него, замороженная, он незаметно шевельнул пальцем, и белая жемчужина упала на мягкий ковёр у его ног. Лёгким движением носка он подтолкнул её, и жемчужина медленно покатила в сторону Цзян Хуэй.

Госпожа Чжэнь, увидев, что дочь, войдя в комнату, долго не кланяется принцессе Лиян и Цзян Сюну, а вместо этого пристально смотрит на Цзян Лоюя, почувствовала тревогу. Она уже собиралась заговорить, но Цзян Лоюй, внимательно следивший за её лицом, опередил её.

Когда он снова заговорил, на его прекрасном лице появилось удивление, и он, глядя на Цзян Хуэй, которая, заметив изменение его выражения, начала приходить в себя, тихо и доброжелательно напомнил:

— Что с тобой, двоюродная сестра? Почему ты так пристально смотришь на Лоюя? Бабушка и дядя ждут, пока ты поклонись!

Его голос был тихим, но его услышали и принцесса Лиян на ложе, и Цзян Сюн, сидящий неподалёку. Их лица сразу же потемнели, а принцесса Лиян даже громко фыркнула, сжимая чётки в руке:

— Без уважения к старшим, никакого порядка!

Цзян Сюн ничего не сказал, но его взгляд, полный сложных эмоций и даже сожаления, упал на Цзян Лоюя. Казалось, он был крайне недоволен тем, что его дочь, впервые встретив племянника, допустила такую оплошность, и тоже произнёс:

— Хуэй, хватит смотреть на двоюродного брата, поклонись!

Цзян Хуэй, получив выговор и от бабушки, и от отца, и никогда ранее не допускавшая таких

ошибок, растерялась. Она смущённо повернулась и, торопливо поклонившись, робко посмотрела на явно всё ещё разгневанных бабушку и отца, а затем бросила взгляд на свою мать, госпожу Чжэнь, ища помощи.

Цзян Лоюй, наблюдая за этими действиями Цзян Хуэй, прекрасно понимал, что госпожа Чжэнь, получив умоляющий взгляд дочери, непременно заступится за неё. Но принцесса Лиян и Цзян Сюн сейчас были не в духе, и если она попросит за дочь, это только усугубит ситуацию, возможно, даже приведёт к ещё большим упрёкам в адрес Цзян Хуэй. Поэтому госпожа Чжэнь не станет говорить.

А если госпожа Чжэнь не заступится, Цзян Хуэй растеряется, и он сможет воспользоваться этим.

Госпожа Чжэнь, увидев взгляд дочери, с тревогой посмотрела на сидящих на ложе принцессу Лиян и князя, понимая, что сейчас ни в коем случае нельзя просить за дочь, иначе ситуация станет ещё хуже. Она лишь посмотрела на Цзян Хуэй, пытаясь успокоить её, но при этом сжала пальцы от беспокойства.

Цзян Лоюй, наблюдая за этим обменом взглядами между госпожой Чжэнь и Цзян Хуэй, улыбнулся ещё ярче. Он украдкой взглянул на белую жемчужину на полу, слегка повернулся и взял чашку чая со столика. Ногой он незаметно подкатил жемчужину на шаг вперёд к Цзян Хуэй, а затем протянул ей чай, мягко сказав:

— Двоюродная сестра, чего ты так волнуешься? Бабушка и дядя такие добрые, небольшая оплошность — это ничего. Всё из-за того, что я первым заговорил с тобой, вот ты и растерялась. Давай так: ты поднесёшь бабушке чашку чая в знак извинения, и бабушка с дядей, ради меня, не станут на тебя сердиться.

Эти слова Цзян Лоюя, явно направленные на то, чтобы сгладить ситуацию, сразу же разрядили напряжённую атмосферу в комнате. Принцесса Лиян, хмурая до этого, посмотрела на него с мягкостью, не возражая, и, перебирая чётки, молча ждала, когда Цзян Хуэй поднесёт чай, чтобы простить внучку.

Цзян Хуэй, не ожидавшая, что Цзян Лоюй заступится за неё, с благодарностью взяла чай. Её настроение, испорченное выговором за то, что она пристально смотрела на Цзян Лоюя, немного улучшилось. Она украдкой взглянула на своего красивого и высокого двоюродного брата, наследника, и в её сердце вдруг появилось лёгкое смущение. Немного успокоившись, она взяла чашку и сделала шаг вперёд.

Цзян Лоюй, с улыбкой наблюдая за этим, увидел, как Цзян Хуэй наступила на жемчужину, потеряла равновесие и, покачнувшись, упала вперёд на колени. Чашка в её руке взлетела вверх, и тёплый чай вместе с крышкой вылился на сидящую на ложе принцессу Лиян. Цзян Лоюй слегка опустил глаза, притворившись испуганным, и отступил на шаг.

Принцесса Лиян, только что ждавшая чай в знак извинения, оказалась облитой. Её лицо, и так уже слегка потемневшее, стало чёрным от ярости. Она не просто разозлилась, она была в бешенстве, и её голос дрожал:

— Ты... ты... На колени!

Разгневанная, принцесса Лиян, которая в молодости была сестрой императора, показала всю свою царственную властность. Её голос был полон высокомерия и презрения, и Цзян Хуэй, упавшая на пол, поспешно встала на колени, опустив голову, и с трепетом ждала выговора.

Цзян Люй, наблюдая за этим, незаметно сжал пальцы в рукаве и, воспользовавшись суматохой, наступил на жемчужину, которую Цзян Хуэй отбросила в его сторону, и с помощью внутренней силы раздавил её в мелкий порошок, а затем лёгким движением одежды скрыл следы.

— Мать, не злитесь, берегите себя. — Цзян Люй, только что уничтожив жемчужину, увидел, как Цзян Сюн, видя, что мать так разгневана, стал ещё мрачнее. Он не стал ругать дочь, а вместо этого посмотрел на госпожу Чжэнь, сидящую рядом и смотревшую на происходящее с тревогой, и строго сказал:

— Чжэнь Ляньянь, посмотри, какую дочь ты воспитала! Она осмелилась вылить чай на бабушку!

Госпожа Чжэнь, пойманная взглядом Цзян Сюна, вздрогнула. Её всё ещё привлекательное лицо исказилось от страха, и она поспешила встать, оправдываясь:

— Князь, свекровь, Хуэй не нарочно! Она просто поскользнулась, она не хотела...

Услышав, как мать защищает её, Цзян Хуэй, стоящая на коленях, словно получила заряд бодрости. Её испуганное лицо сразу же успокоилось, и она снова стала выглядеть жалкой, тихо оправдываясь:

— Папа, бабушка... Хуэй действительно не хотела... Просто, когда я подносила чай, я будто бы на что-то наступила...

<http://bllate.org/book/17692/1650982>